

АЛЕКСАНДР РОГИЖСКИЙ

В ГЛАШИ

Александр Рогинский

В глуши

«ИП Стрельбицкий»

Рогинский А.

В глуши / А. Рогинский — «ИП Стрельбицкий»,

ISBN 978-5-04-008436-4

Такое в жизни случается. Сел в поезд, идущий по одному адресу, а к вечеру оказался в... глухом лесу, в котором чего только не придется пережить — и смертельную опасность, и духовный поединок, и в конце концов, любовь. Примерно такая история произошла с главным героем предлагаемого произведения. Молодой человек... Впрочем, зачем рассказывать сюжет, когда можно прочесть об этом необыкновенном приключении.

ISBN 978-5-04-008436-4

© Рогинский А.
© ИП Стрельбицкий

АЛЕКСАНДР РОГИНСКИЙ В ГЛУШИ

Еду в поселок к девушке, с которой разговаривал всего две минуты и только глазами. Успела мне дать свою визитку, я удивился, откуда она у деревенской?

А разве она деревенская, да нет же – городская! Родители из Киева, поехала в деревню преподавать, стала сельской учительницей, – по глазам прочитал. Тут же нарисовал себе ее жизнь. Наверное, потому и еду, проверить, правильно ли нарисовал?

Это мое хобби – все представлять. Даже болезни. Вот представил, что умру от инсульта, и все время нахожу признаки этого самого инсульта. Могу и рак вызвать. И от этой смешной игры, которая оказывается очень серьезной, спасу нет.

Наверное, еще и поэтому еду к этой девушке, которую зовут так нежно и необычно – Элиса.

Везу с собой целое человеческое хозяйство, нажитое за двадцать пять лет. Если его выложить на плацу, тошно станет. А все поиски, все поиски. Никто не знает, чего он ищет, а я знал – я всегда искал интересной жизни, мне подавай неординарное. Не просто черный хлеб с селедкой, а особо черный – украинский с особой селедкой – дунайской, которую однажды попробовал и с тех пор мечтаю еще раз попробовать, но она не продается.

Ее едят только те, кто живет на Дунае и большие люди, которые хотят выделиться хотя бы тем, что ее едят.

Поезд отходит через полчаса, а я торчу на площади и изображаю из себя ротозея. На самом деле на этой площади хоть раз в месяц я бываю. А если честно, во все командировки езжу с этого вокзала – не люблю самолеты, а в автобусах иногда становится дурно; кружится голова, да и люди очень близко расположены, не люблю дорожных запахов.

Этим, правда, и поезд славится, особенно плацкарта. Вся железная дорога, как ни посыпай специальным составом, издает такое амбре...

Но странно: это амбре мне нравится. Наверное, потому, что вдыхал его с детства. А в детстве складываются самые святые запахи и впечатления.

Мой вагон, конечно, в самом хвосте. Это намек на то, что и жизнь моя так будет устроена – я после всех. Такое было со мной в школе, в лагере, в университете. Я замыкал шествие, не торопился.

Мудрый Исмаил, мой турецкий друг, с которым познакомился, курсируя сопровождающим турецкие плащи и обувь, пытаюсь заработать кучу денег, мой друг Исмаил с самого начала знакомства начал меня учить.

И всегда это выходило очень просто: не спеши, никогда не делай первым шаг, смейся, глубоко подумав. Я возражал, нельзя смеяться, глубоко подумав! Потом убеждался, турок прав.

Исмаил был чувствителен к человеку. Как сам говорил, раскладывал его на составляющие, как раскладывают праздничный обед на отдельные блюда, каждое помечено своей ценой.

К Исмаилу я также должен поехать в Стамбул, снова увидеть этих бомжей, лежащих на контейнерах под холодным небом, подложив под голову то, что смогли украсть.

И этот туалет на вершине холма, пописать в котором стоило тогда 250 тысяч лир. Исмаил мне составил блат, я совершал операции на 100 тысяч дешевле. Великая экономия – ровно на маленькую рюмку чая.

Сейчас я зайду в купе, там уже будет полный набор пассажиров. Начнем знакомство, а через пару часов приступим к ужину, который, если компания мужская, может закончиться к утру, а может, и не начаться, если попадутся скупердяи.

Гадаю, кто попадется в попутчики. И в это время подхожу к своему вагону. Тоненькая девушка в миниюбке, очень складно на ней сидящей, серьезно смотрит на меня, словно я собираюсь отцепить этот вагон и увезти его вместе с ней в неизвестном направлении.

– Ваш билет, – произносит она неожиданно тяжелым грудным голосом, что заставляет меня внимательней присмотреться и увидеть, что это вовсе не девушка, а, как минимум, тридцатилетняя женщина, которая очень молодо выглядит. Тридцатилетняя женщина, которая очень молодо выглядит – надо же!

Достаю скомканную бумажку, даю проводнице. Она внимательно изучает, пытаюсь найти там скрытый пароль или характеристику ответственных органов на меня, а я маюсь, чтобы не сказать какую –нибудь глупость, типа «девушка, я не вор!».

Интересно, на что она среагирует – на первое, или на второе?

– Проходите, – говорит проводница, глядя за мою спину.

Я уже не интересен для нее, она прочитала мою характеристику, я могу быть допущен в святая святых.

В моем купе посередине стоит огромный чемодан, а возле него возится толстый зад. Это первое, что я вижу. Зад распрямляется, появляется голова с красными выпученными глазами, которые сразу выносят мне приговор.

– Помоги закинуть, очень уж большой.

– Больше, чем купе, – уточняю я.

Капитан смотрит на меня подозрительно-выжидающе, может, я начну скандалить. Он готов начать...

Но я берусь за один конец чемодана, приподнимаю его. Чемодан набит чугуном. Я малый не слабый, все – таки спортом занимался и сейчас иногда взбрыкиваю, когда охота берет или серьезными делами заниматься не хочется.

Мы заталкиваем чемодан на верхнюю полку, капитан привязывает его к стойке.

– Оплатил две койки, – объясняет, – везу новое обмундирование для своих офицеров. Приходится вот так.

Капитан вытирает пот со лба, протягивает руку.

– Спасисбо, сам бы я запнулся. Тяжеленный, зверюга.

Он осматривает купе, как будто впервые его увидел.

– Та – ак, будем располагаться.

Я вижу еще один чемодан, вернее, чемоданчик, скромненько пристроенный под нижним сиденьем.

Этот явно продовольственного назначения. Тут колбасы, водка, консервы, все, что надо для приятного времяпровождения в затхлом купе ржавого, медленно ползущего по стальным полоскам, поезда...

Капитан измеряет мою личность рыбьими глазами, по всей видимости, оценивая, что на меня не жаль потратить. Что придется угощать, не вызывает сомнения, иначе, зачем было просить меня о помощи?

– Неплохо, если б мы вдвоем так и ехали, – высказал пожелание капитан. – Тут есть над чем поработать.

Он смотрит на меня веселыми глазами. Страшно, когда такие глаза становятся веселыми. Впечатление, они сейчас тебя проглотят.

Я молчу, сдерживая павловские рефлексы.

Он все видит, этот капитан, видно, работает с вечно голодными людьми.

Открывается дверь, на пороге возникает толстая баба в фирменной железнодорожной одежде.

А где молодая, которая проверяла билеты, с тоской думаю.

Мне хотелось бы иметь проводницей ее, чем эту старую изношенную калошу. Наверное, собирался приударить. Приударить за железнодорожной девушкой, едучи к девушке, с которой едва знаком и с которой тоже познакомился в поезде! Забавно я устроен.

Проводница, похожая на распаренную повариху, хищным взглядом осматривает богатства пока еще заключенные в чемодане, облизывает грубо накрашенные губы.

– Я думаю, куда посадить эту старушку, а у вас тут тьма места.

– У нас все занято, – говорит, выпрямляясь, капитан.

– Ну да – занято, – говорит проводница.

Они говорят на своем языке, который я понимаю. Я понимаю, что капитану придется за предоставленную возможность лицеизреть за столом только меня, хорошо заплатить и не деньгами, а содержимым в чемоданчике.

Сделка происходит мгновенно. Когда проводница ушла, капитан удовлетворенно потер руки.

– С нее хватит водки и вот этого.

И он потряс в воздухе толстым стволом колбасы, грозно блеснувшим в луче света.

У меня разыгрался аппетит, хотя поезд еще не тронулся. Как же повезло – денег взял немного, неоткуда взять, а тут такая шара. Хотя все может быть, капитан еще потребует оплаты. Всякое с современными людьми случается.

Поезд трогается, через полчаса с капитаном мы уже лучшие друзья. Капитана совершенно не интересует моя личность, даже, кажется, не запомнил моего имени. А о себе рассказывает охотно, явно полагая, что его жизнь примечательна и достойна описания.

А жизнь, судя по рассказу, который слушаю выборочно, состоит из сплошных пьянок, побед над куропатками, живущими рядом с заставой (капитан пограничник), муштровки и спортивных соревнований, которые он организовал впервые в истории полка.

Я не запомнил его опознавательных знаков, кроме имени – Владимир.

Да в вагонных купе все эти имена – отчества и не нужны. Достаточно его назвать капитаном, а он меня величает салагой. Так, вероятно, я у него проходил по им установленному ранжиру.

Мы пьем коньяк, закусывая красной икрой и сырокопченой колбасой. Пиво, вода, соки, сушеная рыба. И, конечно же, белая сытная курица, с крутыми аппетитными бедрами.

В общем прекрасный кулинарный пейзаж, на который только смотреть полагается. Есть – жалко.

– Ты заметил, салаженек, как человек устроен? – вдруг переменяет тему разговора капитан, когда в бутылке оталось коньяка на доньшке. – Он хитро устроен. Вот я тебе тут лапшу на уши вешаю, а ты делаешь вид, что внимательно слушаешь, хотя на самом деле тебя интересует только жратва.

Так во всем: делает человек одно, а думает о совершенно другом. Положим, я внешне человек честный, а внутренне совершенный бандит. Что стоит мне продать все это обмундирование и сказать, что пропил, думаешь, не поверят? Поверят. Мне все верят, потому что от меня зависят.

Однако везу форму, как простой денщик, даже помощника себе не взял. Зачем мне помощник, когда я две недели погулял в свое удовольствие. Каждый день на новой квартире, это тебе не фрукт с овощами.

И откуда такая жадность в человеке до жизни? Вот где не окажусь, сразу бабу ищу. Без бабы жизнь тускла. Баба расширяет твои горизонты, и расскажет про себя, и накормит, и всласть налюбится, а потом будет говорить, что жить без тебя не может, тоже приятно. Это при живом муже, который в это время, как я сейчас, где – то в командировке гуляет с другой.

Такие приятные эпизоды, а главное – сошлись, разошлись. И никаких последствий. Ежели что родится, будет зачислено на счет мужа. Ловко устроено.

Вот недавно в газетке прочитал определение мужского кошмара: дом в кредите, дерево в горшке, сын от соседа. Что – то в этом духе.

Сейчас люди совокупляются за один только взгляд. Это совсем молодые могут плату взять, а наш возраст от пространственного одиночества.

Все врут. И все для того, чтобы успеть жить. Жажда жизни. Я книгу прочитал – так и называлась.

Про пространственное одиночество он хорошо сказал, я сразу ощутил мороз вокруг себя и темное небо без звезд. Жутковато. Конечно, в таком одиночестве баба теплая нужна...

Ловлю себя на том, что начал думать его словами. Еще немного, начну и ему рассказывать истории, которые со мной не приключались, но которые слышал или выдумал тут же.

Заразительная это болезнь – врать. Один раз начнешь, потом трудно остановиться. А все потому, что вранье очень близко к фантазии находится. Иногда фантазии портят человеку жизнь, он настолько ею пропитывается, что реальность его уже не удовлетворяет.

Вот если спросить капитана, чем он живет, он тут же выдумает чем, а на самом деле, возможно, ненавидит свою военку, мечтает стать успешным бизнесменом, или жить в горах, а может, и в президенты метит. Но обязательно его мечты, как, впрочем, и мои, далеки от реальности и возможности их в нее претворить.

Поэтому мы и слушаем друг друга под аккомпонемент коньячных градусов, и веселимся, что так складно у нас получается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.